

Никифорова Марксена Михайловна

Корреспондент Флиге Ирина Анатольевна

11.01.2005

Вы рассказывали мне, что вы пошли в школу, и с первого дня стали ходить сами. А почему няня не водила? Почему вы сами ходили?

- Меня мама приучала к самостоятельности. Она считала, что должна я привыкать всё делать сама.

А почему? Как вы считаете, почему?

- А мне кажется, просто мама меня приучала к самостоятельности. Мне это потом, впоследствии очень помогло. Я же в 13 лет осталась одна, и я, собственно, была вполне самостоятельным уже человеком. Я же могла распоряжаться, там, имуществом, переездом. Я была старшая в семье. Мне было 13 лет, девчонка, но меня все слушались, и я сама всем распоряжалась.. Я была совершенно самостоятельным уже человеком. Я что? Я терпеть не могла подхалимажа. А это, так как я дочь все-таки ответственных работников была, и часто мне приходилось сталкиваться с подхалимажем прислуги. И был такой случай. В ведении отца находился дом... Как он назывался...? Не дом партийного актива, а дом... обучения партийных работников (склероз у меня). Ну, в общем, дом партийного актива, он находился... Высшая партшкола, вот как. Высшая партшкола находилась в Пушкине, во дворце графини Палей. И отец туда часто ездил со всякими инспекторскими проверками, и часто брал меня. Это всё-таки Пушкин, пригород! Я там очень любила... Это как раз напротив Екатерининского парка, и я ходила гулять, гуляла в парке, пока он там своими делами занимался. А там была такая вахтерша – женщина, уже не молодая... И я помню, как мы раз приехали, она: - Ой! Красавица моя приехала! Давай я тебя раздену. Меня посадила... Ну, я девчонка была, что мне лет 9 – 10 было. Она меня посадила на какую-то тумбу, как сейчас помню. А тогда же были, знаете, суконные ботики такие, туфли и суконные ботики. И она стала снимать мне ботики. Мне стало так противно! Вот я девчонка была. Я ей взяла – ногой по лицу стукнула! Я это запомнила на всю жизнь. Причем никто мне замечания даже не сделал. То есть никто не посмел мне сделать замечание. Но мне это было настолько противно, понимаешь, вот этот подхалимаж. Я терпеть не могла!

А папа за это не отругал?

- Нет. Даже сделал вид, как будто не заметил. Вообще как-то меня в этом смысле воспитывали очень самостоятельной. В доме я была... Мама с отцом целыми днями на работе: утром рано уезжали и приезжали где-то очень поздно. А я, собственно, оставалась за старшую. У нас было две прислуги. Так, например, кухарка спрашивала у меня, что приготовить на обед. Представляете? Причем я помню такой случай. Взяли няньку. Её кухарка посылала в магазин, в этот самый... Был закрытый распределитель специально для ответственных работников. Он находился, кстати говоря, если стоять лицом к Казанскому собору, то, вот в этом доме, который с правой стороны от Казанского собора, я там один раз с мамой была. Там был большой гастрономический магазин. Там, может быть, и что-то еще продавали, я не знаю. Это был закрытый распределитель, куда пускали только по пропускам. Но там продукты отпускали тоже по карточкам. Там были специальные талоны... Отпускали по карточкам. Так вот, значит, наша эта домработница, что-то она мне не понравилась. Интуитивно. А потом маме вдруг кто-то доложил, что она там покупает продукты, и потом выносит на улицу и на улице их продает. И ее уволили. Так что мама вообще-то прислушивалась ко мне, когда мне что-то в доме не нравилось, то я маме ябедничала в этом отношении, что что-то происходит, что-то не так. И я чувствовала себя всё время старшей. И мало того, я чувствовала себя ответственной. Как-то так... Очевидно, меня так воспитали все-таки родители, что я чувствовала себя ответственной за всё то, что... Ни почему-нибудь, там... А просто я чувствовала себя ответственной за все, что происходит в доме. Потому что родителей нет, а я одна старшая. А домработницы эти, люди, сами понимаете, всякие бывали... Единственная у нас была домработница, которая много лет жила, которую уволили потом по приказу, так она была, конечно, очень добросовестная, очень хороший была человек. А потом после нее... Если мне что-то не нравилось, я маме говорила, и мама делала замечание. Даже мама...

Я запомнила на всю жизнь. Она меня когда вела в первый раз в школу, она мне: - Запоминай дорогу! Потому что обратно ты пойдешь одна. И водить тебя в школу никто не будет. Ты в школу будешь ходить сама. А ходить это все-таки далеко. Я говорила, от площади Труда за Мариинский театр надо было ходить мне в школу.

А мама не посылала с вами домработницу?

- Нет. Не посылала. Нет. Даже в голову никому не приходило. И мне даже в голову не приходило, что меня кто-то может провожать. Я ходила сама.

А в других семьях ответственных работников также было?

- Нет. По-разному было. Некоторые даже на машине привозили. Были такие там... Ведь я очень переживала... Ведь у многих ответственных работников жены не работали. И они с детьми, собственно, нянчились, и в школу водили, и со школы приводили. А у меня мама работала. Я маму почти никогда не видала. И я это очень переживала, что я, собственно, мало вижу внимания от матери... Но у нас в доме жила одна семья такая, Токаревых. Он ответственный работник был. У нее были двойняшки – Муся и Пуся. И вообще, еврейская семья. Вот, Муся и Пуся. Она не работала. У нее была домработница. И она детей в школу водила и приводила. Так вот, когда другой раз, в школу-то я ходила сама, а со школы она часто приводила нас, меня вместе с ними приводила домой. Она с детьми очень нянчилась, и она наняла бонну, немку, которая занималась с детьми немецким языком. И там она организовала группу – несколько человек. Наверное, человек шесть. И я в эту группу тоже ходила, там занималась немецким языком, но это делалось так по-детски. Мы там спектакли ставили, стихи учили. Я же почти свободно говорила по-немецки. Сейчас меня набор слов вообще-то порядочный, но говорить..., грамматику я забыла совершенно. Я говорить по-немецки, конечно, не могу. В школе я, правда, еще училась хорошо. А так... я не могу. Так вот, я с этой семьей вообще была очень связана. Но недолго. Потому что года два или три, а потом его перевели на работу в Москву, Токарева. И они уехали в Москву. И потом я даже некоторое время с Мусей переписывалась. Она мне хвасталась, что они живут в доме советов № 1. А потом, что с ними стало..., переписка прервалась, я не знаю.

Скажите, а в других семьях?

- В других семьях, как правило... Вот я знаю, мои подруги, которые были у меня, их матери водили в школу.

У них не было такой самостоятельности как у вас?

- Да. Не было. Пожалуй, не было. Ким... Вот, моя подруга, Ким Алексеева... Он [отец ее] был председатель Обкома профсоюзов, Алексеев Петр. У него жена, тетя Соня, она не работала. Так она детьми занималась. Она в школу их приводила, из школы уводила, делала с ними уроки, читала им книжки, и даже один год, я

помню, как-то зимой они уехали отдыхать в Сиверскую. Там дом отдыха обкомовский какой-то. И мама попросила меня взять тоже. И тетя Соня меня взяла с собой, и я видала, как она занималась со своими детьми. Она нам читала книжки. Я помню тогда она нам читала «Три толстяка». Вот я запомнила на всю жизнь. Она вслух нам читала книжки, ходила с нами гулять, то есть она занималась своими детьми. Я этого в семье не видала. У нас в семье мной никто никогда не занимался.

Как вы считаете, родители, они строгие были по отношению к вам?

- Вообще, строгие были.

А в чем это проявлялось? Наказывали?

- Мама меня наказывала. Даже иногда шлёпала меня, если я что-то не так делала. Но я вообще-то, конечно, была безобразницей... Я рано начала читать. Причем я читала... Дай Бог не соврать! Я Пушкина, «Повести Белкина» прочитала в третьем классе. Причем помню, был у нас такой однотомник в мягком переплете... Были у нас такие книжные полки во всю стену, без стекол. Просто полки были. И внизу там были всякие журналы, и в том числе книжки без переплетов. И там я выудила этого самого Пушкина. И я как села на полу, так я и не встала. И около этой самой полки я и читала. А у меня был скандал как-то с мамой, я взяла сказки «Тысяча и одна ночь», у нас было хорошее издание, издание Академии. И когда мама это увидела, у меня эту книжку отобрала. Выругала, что мне это еще рано читать. А мне было тогда, наверное, лет 9 или 10. И эту книжку спрятала. Я ее нашла. И опять снова. Так мне за это попало здорово. По-моему, мама даже меня отшлёпала за то, что я ее не послушалась. Но я читала... В 11 лет я, например, Мопассана почти всего прочитала. То есть для меня этот книжный шкаф... Потом у нас был на новой квартире книжный шкаф большой красного дерева, так я садилась..., для меня это было любимое занятие, я уроки другой раз не сделаю... Подсяду, и начинаю перебирать, начинаю читать... Что мне не нравится..., начинаю читать – нравится – я откладываю. Что меня заинтересует – я читаю. Толстого «Войну и мир», «Анну Каренину»... Это всего мне было 10 – 11 лет, я все это перечитала...

А мама наказывала за что?

- А за то, что я читаю то, что мне не надо. И мама очень много мне покупала детских книг. Привозила, приносила. То есть всё, что издавалось в то время... Вот, «Республика Шкид», например, потом «Земля Санникова», последнюю книжку, помню она мне... Обручева... Жюль Верна, почти все книжки... Книжек у меня

было много таких, детских. Но для меня это было мало! Не очень интересно! Я это быстро прочитаю, и лезу опять в шкаф.

А еще за что наказывала?

- А больше так... ни за что. Нет. Мне не попадало ни за что.

А отец?

- А отчим вообще ко мне очень хорошо относился. Он даже мне ни разу замечания не сделал. Он очень хорошо ко мне относился. Ну, я вообще была ребенок такой... То есть я ничего такого не делала, чтобы меня... Уроки я не пропускала, училась я прилично. Не хорошо, но во всяком случае, троечница была твердая. Так что... Меня особенно ругать... Дома у меня всегда был порядок. Спать я ложилась вовремя. Потому что ребенку спать хочется. Я ложусь спать, а еще отца с матерью с работы нет, а я уже сплю. Редко, когда их дожидалась...

А почему тогда вы говорите, что вас строго воспитывали? В чем была строгость?

- Вообще такая обстановка была строгая. Меня не баловали. Я не скажу, что строго, но меня не баловали. Со мной не нянчились, меня не нежили, как вот некоторых детей. А нормально... Я никогда ничего не требовала. Одевали меня очень просто. Никаких претензий я не имела. У меня даже есть фотография, я уже в школу ходила, - во фланелевом платье. У меня даже фотография где-то есть, я в этом фланелевом платье. Со мной никто не нянчился. Если я есть не хочу, так я не ела. Если я хочу, так я ела. Меня никто никогда не пичкал, и ничего меня делать не заставляли. Как других детей, знаете, чуть ли не с ложки кормили. А я утром всю жизнь... Я никогда не завтракала. И меня никто никогда завтракать не заставлял. То есть некому было заставлять. Домработнице было наплевать. А я всю жизнь, когда в школу ходила, я никогда утром ничего не ела. Это я и потом, уже после ареста родителей, я никогда ничего утром не ела. Это уже так организм у меня к этому привык. Почему я и завидовала своим подругам, у которых были матери, которые нянчились с ними. Я помню, как-то мы были в театре, и там, значит, жены Каданского и Алексеева сшили на заказ какие-то платья нарядные. И вот они в театр пришли в этих платьях, они хвастались, как, вот, они дочек своих одели, какие у них красивые платья. А я даже не позавидовала. Я вот так помню, красиво, ну и что? Одеда – и сняла. Подумаешь, чего такого? Я даже как-то не позавидовала. Причем у Нади Каданской уже в то время были лакированные

туфли. А у меня были простые кожаные туфли, обычные. Меня очень просто воспитывали...

Но вы считаете, что в этом была строгость воспитания?

- Нет, такой особой строгости не было. Но просто на меня никто не обращал внимания. Просто я была предоставлена сама себе.

А как родители работали? Какой у них был режим работы?

- А это тогда у ответственных работников был такой режим: они уходили где-то к 10 часам, значит, где-то в 9 часов приезжала за ними машина, а работали они поздно очень всегда. ... Настолько были заняты... Я помню такой случай. Как-то раз я захотела в театр. В театре там была ложа специальная для ответственных работников. Это, помню, в Михайловском театре. Вот теперь как он называется? - в Малом оперном. А папа говорит: - Подожди, я за тобой приеду. Он приехал за мной на машине с каким-то еще мужчиной. И мы приехали, значит, в театр. Я смотрела спектакль, а он в задней гостинной с этим товарищем обсуждал какие-то деловые вопросы, уже поздно вечером. Другого времени у него не было для этого. Там всякие встречи, там еще что-то... Я не знаю... Вообще работали они, конечно, много. И поэтому они работали, действительно работали.

И мама также?

- И мама тоже также. Допоздна.

Но у них были выходные?

- Выходные были у них. Отпуск у них был. В выходные мы, как правило, уезжали за город. Но мы, дети, отдельно, взрослые там отдельно чем-то занимались. Мы не касались... В выходные гуляли. И в отпуск они ездили на юг всегда. Причем на юг почти всех детей брали родители, когда в отпуск уезжали. Меня на юг ни разу родители не взяли.

А почему, как вы думаете?

- А я не знаю. Мы здесь оставались... Потом нас же было трое все-таки в семье. Одну взять – это нехорошо. А всех троих – это довольно сложно. И здесь мы на даче... в имении бывшего графа Львова, под Лугой, мы там на даче с домработницей жили летом всегда. Мне, конечно, хотелось... Такая мысль мелькала... Мне хотелось на юг. Я помню как-то раз... Майку Смородинову, значит, родители поехали на юг и взяли ее с собой. И мне даже как-то, помню,

было завидно. Думаю, она поехала на юг... А на юге они жили в Хосте. В Хосте была дача ЦК, и в Хосте на этой даче, они там всегда жили.

А вы не просили родителей, чтобы взяли с собой?

- Нет, не просила.

Вы начали рассказывать, что вам захотелось пойти в театр. Когда вам захотелось, вы могли идти в эту ложу?

- Я могла в любое время пойти в театр. Причем были такие случаи, когда я сама ехала. Я предупреждала, что я поеду в театр, но за мной приехать было некому. И я вечером... Я помню, так было два-три раза, я вечером возвращалась одна трамваем. Один раз был случай. Я ехала в театр. У меня была такая театральная сумочка, мама мне купила. И в этой сумочке у меня лежал... А в театр был пропуск. Во все театры были пропуска такие. В кинотеатры первого экрана - пропуск, и во все театры. И в ТЮЗ отдельный был пропуск. Причем в кинотеатры первого экрана я могла пойти. Я шла к администратору, а не в общую кассу, подавала пропуск и мне по этому пропуску выдавали билет. Я ехала как раз в Кировский театр, а там вход был не в общий вход, а с левой стороны там была парадная такая. И проход там прямо в две ложи: около сцены, с левой стороны, если лицом к сцене стоять, с левой стороны верхняя и нижняя ложа – это вот были обкомовские ложи. Вход был сбоку. А пропуск я с собой... Хотя там был швейцар, который нас уже всех в лицо знал, не так много было народа... Но я пропуск с собой всегда брала на всякий случай. И, значит, я стою в трамвае, на задней площадке, тогда двери-то были такие, и держу эту сумочку. Какой-то хулиган вскочил в трамвай, выхватил у меня эту сумочку, и выскочил! Я поняла, что это все-таки плохо, что там пропуск у меня. Я вернулась домой и позвонила папе. И там, значит, устроили... Я представляю, пропуск в обкомовскую ложу, неизвестно кто украл и с какой целью... Значит, там устроили дежурство... Так этого парня... Он, дурак, он пошел в этот же Кировский театр, но пошел с общего входа и предъявил этот пропуск. И его задержали. И мне этот пропуск буквально через пару дней вернули. Был такой случай. Я могла в любое время поехать в любой театр... Там меня уже знали, и меня пропускали в специальную ложу. Вот, в Малом оперном театре, там, наоборот с левой стороны были ложи... Вернее, нижняя ложа там была директорская ложа, а верхняя была обкомовская ложа. А в Александринском театра, по-моему, с правой стороны... Ну, в общем, ложи,

которые находились около сцены. Эти ложи - это были правительственные ложи. Я в любое время могла... Но, правда, я звонила маме или папе и говорила, что я хочу в театр. Но часто мы в театр собирались компанией. Так как мы учились все почти в одной школе, тогда вот на Петроградской, это Первая образцовая школа была. И вечером, когда какой-то интересный спектакль или премьера, мы все сговаривались и ехали в театр. И кто-то из родителей всегда с машиной приезжали и нас по домам развозили. В театр мы ехали самостоятельно, а вечером, я помню такие случаи, что нас на машине по домам кто-то развозил. Я такая была театралка! Все интересные спектакли... Помню, Пирогов, знаменитый бас приезжал к нам когда, так мы специально ходили в театр слушать его. А у меня подруга, Мая такая, Иванова была... Не подруга, но мы дружили с ней. Она сама училась в Вагановском училище. Она очень хорошо разбиралась в балете, и, значит, мы рядом с ней сидели, она мне всегда подсказывала, что хорошо, и что плохо.

А вот этот пропуск, он был на вас или это был папин пропуск или мамин?

- Это был... Я не помню... Наверное, или папин или мамин был пропуск... Наверное...

Когда вы шли в театр, то вы брали мамин пропуск?

- Да, да.

Или на детей были свои пропуска?

- Нет. Я не помню... Там у каждого с фамилией нет... Я не помню уже... У меня даже этого пропуска, по-моему, не сохранилось. Сейчас посмотрю...

(Перерыв в записи - не нашла)

А в распределитель тоже был пропуск?

- Да, там, наверное, был какой-то пропуск.

А театральный пропуск, он был специальный, только на театры?

- Только на театры.

А на кино отдельно?

- В ТЮЗ у меня остался. Это у меня в музей Октябрьской революции пропуск...

То есть был пропуск в гастроном, был пропуск в театр, в кино?

- В кино, и в ТЮЗ.

А больше других пропусков не было куда-нибудь?

- Нет, не было.

А, скажите, в распределитель вы тоже одна ходили?

- Нет. Я один раз я только с мамой ходила. Это просто она заехала за чем-то, за продуктами, и я была с ней. А так я вообще там один раз была. Мне там делать было нечего.

А вам было не интересно? Или просто вас не брали?

- А мне там делать нечего. Чего я там... продукты смотреть...

Не интересно?

- Мне это не интересно было.

Ну, мало ли, а может быть, что-то можно было вкусное купить?

- Ну, так все что было, так домой приносили. Конфеты у нас всегда в буфете стояли. Варенье было всегда. То есть... Икра была... Банками покупали. А холодильников же тогда не было. А на кухне был такой угловой шкаф с вентиляцией на улицу, и вот в этом шкафу мы хранили все продукты. Когда, там, сыр, ветчина... А я особенно была не едок. Меня еда не интересовала, короче говоря. Что мне подадут, то я и съем. Обед, там, первое, второе... На полдник у нас всегда делали винегрет. Простой винегрет. А на ужин – чай. Хотела я - пила, хотела – не пила. Еда меня как-то не интересовала никогда. Меня интересовали пряники! (Смеется)

Пряники?

- Я шла когда в школу, на Театральной площади, угол вот этой улицы и Театральной площади был ларек, и там продавали штучные конфеты и пряники. А я любила очень пряники. И вот я помню, было смешно... Как-то какой-то был праздник, у нас накрыт был стол, там сидели родители, кто-то еще из знакомых. Ну, представляете, поросенок, там, заливной, еще что-то... А я собралась идти гулять. И я прошу у мамы денег. Она говорит: - Тебе зачем деньги? А я говорю: - Я хочу пряники купить. Они все со смеху умерли: на столе такие деликатесы, а я хочу пряников! Это я запомнила на всю жизнь. Правда, она мне, денег дала на пряники... А, вот, например, все канцелярские принадлежности, там, тетради, краски, я покупала сама. Мне никто не покупал. Я, вот, начиная с первого класса... В первом классе только мама... Учебники мне мама покупала. А вот, там, тетради, карандаши, краски, еще что-то... Причем я ходила... Вот мы жили на площади Труда. Я ходила пешком сама на Невский. Около Главного штаба на Невском был магазин канцелярских товаров, и я туда ходила покупать... Я просила у мамы... Как сейчас помню, что-то дорогие были краски, акварельные, такая коробочка, вот... Я попросила у мамы денег на эти... Я сходила, узнала, посмотрела, сколько они

стоят, потом попросила у мамы денег... Пошла купила себе краски. Я сама, сама себе всё покупала, там, ручки, перья, карандаши. Мне никто не покупал. Я покупала сама.

Вы говорили сколько стоит, и мама давала деньги?

- И мама давала мне деньги, и я сама шла покупала.

Вам на каждый день давали деньги?

- Нет, на каждый день не давали. Нет. А мне не надо было. Вообще-то в школе, там, нас чем-то кормили, можно было там в буфете чего-то купить. А, во-о-от... Компот. Вспомнила. И я там ходила в большую перемену, покупала компот. И ела компот. В тарелках подавали компот. Мне компот очень нравился. (Смеется) Очевидно, за деньги... Очевидно, платили. Там это не бесплатно было. Но я помню, этот компот я очень любила. Ела с удовольствием этот компот из сухофруктов.

А младшему брату кто покупал тетрадки? Мама?

- Мама, очевидно...

Но не вы?

- Нет, не я. Мама.

А вам нравилось, что вы сами себе покупаете?

- Мне это...Нравилось – не нравилось. Я считала, что так должно быть. Я не задумывалась, нравится мне или не нравится... А мне это тогда нравилось, потому что я покупала то, что мне надо. То что мне понравилось, то я и купила. А не то, что мне принесли. Я сама пошла и купила то, что мне надо.

Дома вы за общим столом всегда ели?

- Да. За общим столом.

Мама, папа, вы и братья?

- Ну, когда все были дома. Да. А так, вообще-то, я со школы приходила, я обедала одна. Потому что младшего брата кормили раньше, он в школу не ходил. Средний брат, он не всегда приходил вместе со мной. Он приходил раньше. Очевидно, его кормили обедом. Я садилась... У нас стол такой был, большой... Это было мое место, там папино место, здесь было мамино место, а там сидели, вот, братья. Мне домработница приносила первое, второе... Я садилась. Подавали мне и убирали. Это я сама не делала. (Смеется)

Домработницы с вами за стол не садились?

- Нет.

И когда родители были...?

- Нет, не садилась...

То есть у вас была «дистанция» с нянями, с домработницами?

- Да, да.

А они где ели? На кухне?

- На кухне. Да.

И вы их воспринимали не как членов семьи?

- Нет, нет. К ним относились как к прислуге. Ну, например, когда маленький брат, он сам еще не мог есть, так у меня даже есть фотография, как его домработница, стоя, кормит. Мама смотрит, мама пришла, видно, с работы днем. Мы сидели за столом обедали: я, и два брата. Тот ест сам, я ела сама, а домработница, значит, кормила младшего брата, стоя. Причем кормила его с ложки. А мама стояла в стороне. Видно она просто приехала не надолго с работы, смотрела как это, вот, мы едим...

Вас родители очень рано стали считать взрослой, да? Как себе равной?

- Они не считали меня как себе равной...

А разговоры общие были?

- А разговоров у нас не было общих. Некогда было разговаривать. У нас общих разговоров, как правило, не было. Ну, иногда..., когда мы с мамой ходили вместе, она мне рассказывала о своем детстве..., рассказывала, там, кое-что... Отец иногда... в свободное время..., когда где-то мы ходили гуляли. Это, вот, только на прогулках было. Я помню, как отец рассказывал... Он же родился в деревне. И его, значит, отправили в город, в Москву... На какой завод он говорил тогда, я, конечно, не помню... В ПТУ. Были такие при заводах. Каждый завод готовил... Это у нас теперь нет... Вообще, безобразие! Специалистов ведь сейчас же на заводах нету, совершенно. Потому что... А раньше, вот, и в советское время каждый завод... Было ПТУ при заводе, которые готовили своих специалистов. Его отправили в Москву в такое ПТУ. Он там жил в общежитии. Причем, значит, он как рассказывал, там совсем не так плохо было. Мало того, что когда он подросток, его должны были призвать в армию, а его отправили в училище, какое-то военное морское училище, в Кронштадт. И там его застала революция. Вот это он рассказывал. Мама рассказывала, там, вот, о себе. Но она... Вот как-то раз

принесла мне новые учебники и говорит: - Ты, вот, каждый год получаешь новые учебники, а я училась в гимназии, я новых учебников никогда не видала. Я старые учебники продавала, ходила на базар, и покупала там себе подержанные новые учебники на следующий год. А тебе, вот, каждый год... Такой упрёк был уже: а тебе каждый год новые учебники... Я так понимала, что я должна это ценить.

Скажите, у вас было ощущение гордости за родителей, когда, например, вы приходили в театр, вот у вас был специальный пропуск?

- Нет. Я как-то спокойно относилась к этому.

Вы думали, что это элита? Вот и отдельная ложа, и распределитель... Было такое?

- Нет. Я как-то к этому относилась спокойно, равнодушно. Не было у меня такого. Я помню такой случай. У меня была... Как-то мама женщину наняла, еще у нас тогда няньки не было, а она наняла женщину, которая мне помогала делать уроки, читать... И я еще девчонкой была... Я ей сказала, что я была в театре. Она: - А где? Знаете, так, любопытство такое... А потом она пришла следующий раз и сказала, что ее там кто-то, или дочь, или кто-то из ее родственников тоже были в театре и видали меня в ложе. Она сказала, в какой ложе, и я сказала: - Да, в этой ложе. И она, вроде... А мне было странно, чего она удивляется. Мне это показалось странным. Да. Вот такое воспоминание у меня осталось... А, думаю, чего особенного, чего она так удивляется?

У вас не было от этого..., ну, как бы неприятного ощущения, что...?

- Нет, нет.

Такого, как вы про ботики рассказывали...?

- Нет... А там, в театре, такого не было... В театре, кроме этого швейцара, там никакой прислуги там не было. Просто мы были предоставлены сами себе. Единственно, швейцар предупреждал, что если кто-то приезжал из ответственных работников... Они сходились обычно в верхнюю ложу... Он предупреждал, что вы идите в нижнюю ложу садитесь. Вот было такое. Я как-то к этому нормально относилась. Спокойно. Я не знаю почему, но как-то к этому спокойно относилась.

Может еще какой-нибудь был случай, как вот вы рассказали в Пушкино? Еще такие были случаи?

- Да был случай... Один раз... Была такая женщина, которая с нами жила на даче. Кухарку и домработницу мама на лето отпускала в отпуск. Они ехали к себе в деревню в отпуск. А с нами на даче жила мать маминой сослуживицы. Причем, она

подхалимка была ужасная! Сослуживица мамина. Мать-то ее нормальная была женщина. И эта была вообще стерва ужасная! Она потом на маму и доносы писала..., и в общем, там, всё..., когда маму арестовали. Так я помню, она с нами ездила на выходной день... Вот база отдыха была обкомовская, в Петергофе. И она нас там... Там же всё свободно было: там, конфеты, яблоки, там, всё... И у нее был такой чемоданчик маленький, и она в этот чемоданчик себе набирала конфет, яблок... себе, домой. А я это увидала. И за нами приехала мама на машине вечером. Я маме говорю, что она, там... Мне это не нравится, что она набрала... Причем, это уже не первый раз было. Сначала я сделала вид, что не заметила, потом промолчала, а тут я уже молчать не могла. А мама как будто не слышит меня. Я тогда схватила этот чемодан, его раскрыла, и все эти яблоки и конфеты выкинула на пол. Мама мне замечания не сделала никакого. И я вышла из комнаты. Чем все это там кончилось, я не знаю. Но она с нами потом уже больше не ездила.

Вы говорили, что если вам что-то не нравилось у прислуги, то вы маме говорили. А сами вы им замечания не делали?

- Сама... Сама, делала замечания.

Ну, какие, например?

- Ну, я сейчас не помню... Мелочь какая-то... Я сейчас даже не помню... Не могу сказать. Ну, что-то иногда были какие-то мелочи, которые мне не нравились.

Значит вы не всегда к маме обращались?

- Нет, не всегда. Я, вообще, чаще сама разбиралась. Я маме редко говорила. Если что-то не так, я разбиралась сама.

И вы полностью чувствовали себя хозяйкой. Раз мамы дома нет, значит, в доме хозяйка вы?

- Да. Я хозяйка.

И вы распоряжались, что прислуге делать и чего не делать?

- Да, да.

А маму это устраивало?

- Очевидно, устраивало. Потому что мне никаких замечаний никогда не делали по этому поводу

Мама никогда не говорила, что не лезь не в свое дело?

- Нет, нет. Мама вообще, по-моему... Она делала вид, что ее вообще это не касается, что дома делается... Никогда у нас по этому поводу никаких не возникало... вопросов.

Вы рассказывали, что мама не хотела, чтобы вы приводили друзей.

- Да.

А почему?

- Я понимала. Потому что мы жили все-таки, конечно, лучше, чем другие, и просто мама не хотела, чтобы люди знали, как живут ответственные работники. А я рассказывала... У меня была подруга, с которой я подружилась. Мы жили на площади Труда, это большой дом квадратный на площади Труда, а рядом Дворец профсоюзов этот. А мама ее работала уборщицей в этом самом Дворце. И жили они в подвале. Отца у нее не было. Я не помню, как звали девочку... И я ее приводила частенько к себе домой. И, значит, даже обедом ее кормила... Мама сделала мне замечание, что лучше ее к нам не приводить. Так я стала ходить к ним.

А вы у нее бывали? и вы видели разницу быта. И как вы это понимали? Почему такая разница?

- Не помню даже почему... Не скажу...

Вы гордились своими родителями..?

- Нет. Чувства гордости у меня не было.

Нет? За родителей? Что родители вот такие успешные?

- Нет. У меня не было этого. Нет.

А вы старались что-нибудь ей принести? Там, не знаю, яблоко какое-нибудь...?

- Нет. Нет, нет. Я же к этому относилась... Я считала, что так должно быть. Я никогда не задумывалась. Моего ума детского на это еще не хватало. Я считала, что так должно быть.

Значит мама сказала, - нежелательно, и вы без вопросов послушались, вы не стали выяснять почему?

- Нет, я не стала выяснять. Нет, нет. Я понимала, почему. Это я понимала.

Вы понимали, что не надо, чтобы приходили, чтобы видели как вы живете?

- Да. Это я понимала.

То есть вы понимали, что ваша семья элита?

- Ну, я все равно, на зло родителям, на зло матери, я частенько это делала.

Втихаря?

- Да. Приводила домой. Потому что я считала, что это неправильно. (Смеется) У меня характер нелегкий был... Я могла взять и привезти. И всё. И мама молчала. Другой раз я приведу. И мама молчит, как будто... Домработница, очевидно, ей докладывала. А мама мне замечаний не делала.

А если вы приводили, то вы кормили гостей своих?

- Если я обедала, то вместе обедали. Чаше, просто играли, чем-то занимались. Просто в моей комнате играли, чем-то занимались.

А ребята любили к вам приходить?

- Ребята, вообще, любили ко мне приходить, но вообще было так один раз. Это было в 36-м году. Мой день рождения. 12 октября. А мама уехала в отпуск. Как-то в этот год у них отпуск был. Или была она в Москве в командировке... По-моему, она в отпуске была. И она мне дала, как сейчас помню, 50 рублей денег (в то время это не так много было), чтобы я себе на день рождения купила то, что я хочу. И домработнице дала распоряжение, чтобы она в этот день собрала..., приготовила какой-то стол, что придет моя тетя меня поздравить, чтобы было за что сесть... А отчим мой, в это отношении мы с ним сходились характерами, он попросил домработницу сделать без всяких деликатесов, простой стол собрать, и сказал, чтобы я пригласила своих одноклассников. И я пригласила своих одноклассников, человек, наверное, пятнадцать. Ну, тех, с кем я дружила. И мы играли в игры... Квартира все-таки большая, пять комнат... Играли мы в прятки... В общем, шуму, гаму было много. Потом мы сидели за столом. А потом отец, где-то уже вечером, вызвал машину и всех ребят, по очереди, развез домой.

А этот случай... Отец пошел против воли матери?

- Ну, я не знаю... Было это против воли или... По поводу этого у них конфликта никакого не возникло.

Но он никогда не запрещал никого приводить?

- Нет. Он никогда не запрещал.

Это была мамина строгость?

- Да. Это мамина. Причем, это так было очень деликатно сказано, не нарочито. Но, в общем, я помню...

А вы еще рассказывали, как у вас появилась в доме Груша?

- Да, да.

И вы сказали, что она была специально приставлена?

- Да, да.

Были какие-то признаки? Вы это как-то замечали?

- Нет. Тогда я этого не знала, и не понимала. Но она держала себя очень...

(перерыв в записи)

А при ней вообще никто... не разговаривали ни о чем?

- Нет, нет. Ни о чем.

С ней особо? Или со всей прислугой не разговаривали?

- Нет, со всей прислугой, очевидно. Но, Миля, вот тогда у нас нянька была, так она все-таки больше была с детьми, и в общей комнате. А Груша, собственно, только на кухне была. Она в комнаты никогда не входила и была только на кухне. А у кухни там была комната еще такая, где стояла ее кровать, и где она спала. И она с кухни никогда не выходила никуда.

При ней никаких разговоров не было?

- Нет. Никогда не было.

И с Милей разговоров не было, что Груша чужая?

- Нет, нет. Тогда мы этого не знали, и даже не подозревали. Единственно, я маму спросила, мы с дачи приехали: - А где тетя Маша? Она сказала, что Петр Леонтьевич не очень ею доволен. И поэтому мы ее уволили. Чем он был недоволен, я так и не поняла тогда. Но больше я спрашивать не стала.

А как вы сегодня понимаете, чем он был недоволен?

- А сегодня я это понимаю... Собственно, я это поняла из записок Аллилуевой. Как она это описывала, когда, вот, ее няньку приказали уволить. Это как раз было то же самое время. Причем, я знаю, что во многих семьях прислуга была заменена тогда.

А вот эта няня, Маша, она была как член семьи? С ней другие были отношения?

- С нею были более тёплые... Ну, а, например, к ней на кухню приходила, я с ней там разговаривали, сидела с ней. С тетей Машей было проще. Если я что-то хочу, так я ее просила. Нормальные были отношения...

Но все равно, она за столом не сидела...?

- Нет. За столом, нет. За столом не сидела. А за столом ей сидеть когда? Уже из школы мы приходили все практически порознь, нас кормила домработница. А родители приходили в 11 часов, садились ужинать... С ними тоже никто же не сядет А в праздничные дни... Нет, никогда. Никто. Прислуга обслуживала в столовой... Никогда не садилась.

Расскажите подробнее про бабушку, мать родного отца?

- А, это Елизавета Филипповна Крылова. Она вообще из какой-то купеческой семьи была. И когда она вышла замуж, у нее еще младший брат еще был несовершеннолетний, и она взяла его к себе в семью, Себастьяна этого. Она вышла замуж за моего деда, а дед мой в то время работал... Ну, стряпчий был. Где-то числился он в банке каком-то, но он был частным стряпчим. Тогда другие были отношения с людьми... И кроме того, он еще вел дела одной богатой домовладелицы. У нее было несколько домов, она женщина незамужняя была, он вел ее дела все..., какие там были... Я сейчас это плохо себе представляю... Зарабатывал он где только мог, и зарабатывал он неплохо. Так они до революции жили. А после революции, у меня дед, вот говорят, седина в бороду бес в ребро, он вдруг ушел от бабушки к другой женщине. И у меня даже есть справка о разводе. Бабушка с ним развелась официально. Бабушка осталась одна. Причем, когда она была замужем, у них была пятикомнатная квартира на Бронницкой. А когда стали уплотнять... И стали уплотнять когда, вот, во время советской власти, то моя тетя... Бабушка жила тогда... Отец мой уже в семье не жил, старший брат Шура уже женился – в семье не жил. Осталась только бабушка с моей теткой, со своей дочерью. Тетя Аля вышла замуж в первые годы революции за преподавателя гимназии, и они жили втроем, еще дядя Себастьян, значит, бабушки брат с ними жил. У дяди Стеваси была отдельная комната. А когда стали уплотнять... У меня дядя, умнейший был человек, он не стал ждать, когда будут уплотнять... Он работал фабзавучем при заводе. И он там нашел двух сестер, чешек, которые жили в общежитии и работали на заводе. И он им предложил поселиться в большой комнате. И отдал им эту большую комнату. В одной комнате дядя Стевася, в одну комнату он вселил этих чешек, большую, оставалось три комнаты. А в маленькую комнату, которая бабушкина была, он потом поселил, после смерти бабушки, он тоже нашел каких-то мужа с женой, и он поселил в эту комнату. То есть таких, как он хотел. Очень были хорошие люди, порядочные... Причем, квартира же была... Была большая прихожая, но в прихожей стоял большой шифоньер, шкаф большой... Причем, на кухне стоял там буфет кухонный, потом шкаф и сундук, на котором спала домработница, а шкаф, куда она клала все эти матрасы, одеяла... То есть кухня тоже была вся заставлена. И эти, которые новые жильцы, ничего против этого не имели. Приди какие-то неизвестные люди, они бы стали там шуровать... А тут они жили как свои... А у дяди с тетей остались две смежные комнаты. Одна

большая комната, метров 25, наверное, и потом маленькая 12-метровая, смежная комната, где у них спальня была. В этих двух комнатах они и остались. А когда еще бабушка была жива, то у нее была эта маленькая комната, в которой она жила. Она вообще была очень спокойной, очень тихий, очень дружелюбный человек. У нее было много друзей. А тогда газа не было, и квартира, в основном, отапливалась кухней. Почти целый день топилась плита и на плите у бабушки стоял все время кофейник, такой был медный кофейник. Там такой мешочек был у нее сшит, там заваривали кофе, и у нее всегда был горячий кофе. Я помню, к ней очень много приходили ее подруги, родственницы приезжали, она никого без чашки кофе не отпускала. Вела в столовую, накрывали, там подавали кофе, выпьют чашку кофе, поговорят... Она была очень доброжелательный, очень спокойный человек. К ней очень хорошо люди относились. И домработница к ней... У нее были больные... Что у нее было с ногами, я не знаю, но она дома ходила. И она сидела на кухне, и домработница готовила, и она учила Милю вот эту, которая у них была домработницей... Приехала же девка из деревни... Она ее научила готовить. И она сидела на кухне и указывала: это так, это так..., она ее учила готовить. Она, бабушка, собственно, вела всё хозяйство.

Скажите, у нее какие были отношения с Милей?

- С Милей у нее были хорошие отношения. Миля была ее, собственно, практически родственницей. Она крестницей была.

И поэтому она была как член семьи, да?

- Да.

Она вошла в семью?

- Нет. Ну, она... Нет. Она как домработница была все-таки. Спала она на кухне. За стол никогда вместе не садилась. Как-то так это уже было заведено... в этом отношении...

Это одинаково было и у вас в семье, и у бабушки?

- Да, да. Одинаково было.

А мама вас отпускала к бабушке всегда?

- Да, отпускала. А потому что... дома-то, еще до школы, со мною заниматься некому было, а я очень часто болела. Я ходила в детский садик... Но я в детский сад сколько ходила, я не знаю... У меня даже есть фотография где-то в детском садике, группа сфотографирована. А я очень часто простужалась и болела. И как я

заболею, дома-то со мной возиться некому, мама на работе, а кухарка, что там, может. Меня отправляли к тете Але. Тетя Аля, все-таки сама врач, и там бабушка. И они меня выхаживали. Тетя Аля меня и к врачам возила, за моим здоровьем смотрела, у нее своих детей не было. И она, и дядя меня очень любили... И всегда меня отправляли к бабушке.

А мама спокойно вас отпускала к бабушке?

- Спокойно.

У нее не было никаких... обид?

- Нет, не было никаких. Нет, нет. Она, хотя со отцом моим и разошлась, но к бабушке она относилась очень хорошо. Потому что бабушка была очень порядочной. И тетка... Тетя моя... Порядочные были, хорошие люди. И, собственно, они тут были ни при чем. И относилась она как к своей свекрови, как к своей родной. И мама ездила к ней всегда на Пасху и меня возила с собой. Я как помню... маленькая. Специально попробовать... Бабушка варила сама пасху, и я специально приезжала... Поедем к бабушке есть пасху. Вот мы приезжали к бабушке есть пасху всегда.

А мама не боялась, что это станет известно?

- Нет, не боялась.

Не предупреждала, чтобы об этом никому не говорить?

- Нет. нет.

Когда вы были у бабушки, вы чувствовали разницу в воспитании? Бабушка строго воспитывала?

- Дома я никакого внимания не видала. Не то, что строго, а просто на меня никто внимания не обращал. А тут мною занимались. Бабушка меня учила шить, учила бисер нанизывать, мне покупали игрушки. Игрушки, собственно, мне покупала тетя Аля. Дома у меня почти, по-моему, и игрушек не было никаких.

А почему?

- А я не знаю. Об этом я как-то не задумывалась никогда. А тетя Аля, например... покупала мне куклы. Мы с бабушкой шили платья для кукол. Помню, тетя Аля купила мне такую вот железную плиту, и в углу освободили мне место, поставили эту плиту, потом купили мне кастрюльки, чайник такой маленький, посуду... Потом дядя мне сделал деревянные полочки, и кто-то, не помню, мне сшил

мешочки такие, и в мешочки насыпали и завязали крупу, всех сортов крупу. У меня была вот такая кухня, я делала вид, что готовлю обед, играла...

Но эти игрушки, они были у бабушки? Вы их домой не забирали?

- Домой я их не забирала. Мне даже в голову не приходило взять домой. К бабушке я приезжала, я там играла. Я там была ребенком. А дома на меня никто внимания не обращал.

То есть бабушка вас ни к какой самостоятельности не приучала?

- Нет. Нет.

Бабушка ласковая была?

- Да, бабушка, была... Да... Я помню такой случай. Был у них кот, Кротик такой, с белой грудкой. А в старом доме было много мышей. Вот теперь у нас мышей нет, а там было... И кот ловил этих мышей. Но он задавит и бросит. И как-то он поймал мышку, задавил, и она лежитдохлая. А я плачу над этой мышкой, что мышка, значит, сдохла. Кротик противный, мышку задушил. Тетя Аля говорит: - Не плачь, она скоро поправится. Взяла, а это было дело вечером, взяла коробочку, как сейчас помню, постелила там ватку, положила эту мышку, положила меня спать. - Ты ложись, спи спокойно, мышка эта поправится. И поставила эту коробочку рядом с кроватью. Утром я встала - мышка, конечно, убежала, - поправилась. (Смеется) Но тете я чем благодарна? Тетя меня приучила ничего не бояться.

Это как?

- Она, например, животных, там... Я, например, - Ой! жаба! Она: - А что такое жаба? Ты посмотри, какая она хорошая. Она же тебя не обижает, она не кусается... Взяла эту жабу, как сейчас помню, за лапку, и привязала в моей спальне к кровати. И эта жаба прыгала у меня целый день по комнате. А я, действительно... А чего ее бояться! Я ее гладила, и в руки брала. И, собственно... Она меня приучала ничего не бояться. Она меня приучала быть вообще смелой. ... - А чего ты боишься? Ты посмотри, тут бояться нечего совершенно! Я, например, боялась темноты. Так она специально меня приучала к темноте. Я помню... Она: - Ну-ка, залезь под стол, я сейчас погашу свет! Я залезла в столовой под стол, она гасила свет, потом из-за двери говорит: - Ну, чего? Страшно? Ну, чего ты боишься? Что тебя там будет...? Ничего там не будет. Нечего бояться потёмок! Вылезай из-под стола! Я вылезу из-под стола - а чего бояться? Действительно, бояться нечего.
- А вы говорили тете, что вы боитесь темноты?

- Да. Да.

А маме с папой говорили, что вы боитесь чего-то?

- Нет. Не было разговора.

У вас с бабушкой и с тетей были более ласковые отношений?

- Да. Да.

И вы им могли все сказать?

- Нет, сказать-то я не всё могла, вообще-то...

А что вы не говорили?

- Я не знаю... Я не помню, чтобы я вот так, вот, вдруг выкладывала... Нет, такого не было. Я вообще все-таки несколько замкнутый была человек. То, что меня спрашивали, я отвечала. А так, вообще-то, нет... Мне уже тетя рассказывала: я еще плохо говорила, мне, наверное, было года три. И мы сидели у тети за столом все, обедали, а я что-то..., ну, ребенок, сидела за столом, сама ела, и я что-то не так сделала. Может, я пролила, может, ложку не так взяла. Мне тетя сделала замечание. Я взяла ложку, и..., тетя мне уже рассказывала: – Не смей меня никогда гать! Причем, «ругать» я не могла выговорить. Больше меня за столом уже не ругали. (Смеется) «Не смей меня гать!» Вот она на всю жизнь запомнила! Мне это, смеялась, рассказывала.

У вас дома висели какие портреты? Портрет Ленина висел?

- Был такой металлический портрет у папы в кабинете на столе. На металле, такой был...портрет Ленина.

А Кирова портрет?

- Кирова, нет, не было. Нет, портретов не было. Единственно, был вот этот портрет Ленина, такой металлический, на подставочках такие были портреты тогдашние. Нет, нет, портретов у нас не было. На стенах у нас вообще ничего не висело.

И портрета Сталина тоже, конечно, не было?

- И Сталина тоже... А у меня со Сталиным было интересно... Мама же была председателем Обкома союза хлопчатобумажников, и ей ко дню рождения подарили портрет, у меня сейчас даже есть портрет Ленина, вытканый шелком. Где-то у меня лежит этот портрет. А был такой портрет на хлопчатобумажной ткани, набивной такой, краской коричневой... портрет Сталина был. А во время войны, когда у меня родился сын, с тканью же было плохо, и думаю, чего эта тряпка лежит. Я взяла ее, выстирала, портрет этот отстирала, и сына пеленала в эту

тряпку. И надо же мне было так повесить... А у нас на кухне окно было и висели веревки. А я пеленки выстирала и повесила. И мне ни к чему, что на свет-то этот портрет просвечивался! Так-то он не видим был, а на свет просвечивался! А сосед у меня был... Такой, вообще, подлый был мужик... Он вышел и говорит: - Это что? В портрет Сталина ребенка пеленаешь?! Вот я пойду сейчас, заявлю в НКВД! (Смеется) Я взяла, скорей сняла. И больше я этот портрет не вешала. То есть пеленать я пеленала, но я больше его на кухне не вешала.(Смеется)

А бабушка и тетя, они как относились к политике? Они говорили с вами о политике?

- Нет. О политике они не говорили. Единственно, тетя и бабушка говорили, что как было хорошо жить до революции. Это тетя рассказывала. Что до революции жить было гораздо лучше. В этом тетя была твердо уверена. И она как-то об этом... разные эпизоды рассказывала..., что до революции жить было гораздо легче. И проще, и легче было жить.

А вы как?

- А я слушала и молчала. Чего я...

А что вы думали?

- А я ничего не думала. Собственно, я считала, что мои родители правы. Я же тогда samozабвенно пела Интернационал! Это только сейчас я... «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем, мы свой, мы новый...» - насколько вообще это были глупые слова. А я же в детстве samozабвенно пела Интернационал. Я считала, что всё это правильно. Это сейчас я уже вспоминаю... Это надо же такую чушь было...! Кошмар! «Мы свой, мы новый мир построим...» Разрушить очень просто, а новый мир построить... Как построить? Это так просто не делается... А тогда я этого не понимала. Я считала, что вообще мои родители правы...

А как тогда вы относились к этим разговорам тети?

- А я просто всё «на ус себе мотала», и молчала. Я вообще верю... Я понимала, что это было лучше. Но в каком отношении лучше? Может быть кому-то было лучше, а кому-то было хуже. Я же тогда не жила... Я же не знаю, как там... Может быть им было лучше, а кому-то было хуже. Я не знаю.

Несмотря на то, что вас такой самостоятельной воспитывали, все равно детство ваше кончилось все-таки после ареста родителей?

- После ареста родителей.

Это был уже конец детства.

- После ареста родителей... Это уже было всё. Мне уже пришлось распоряжаться всем. То есть Миля была у меня... но только как взрослый человек, имеющий паспорт, понимаете? А всем распоряжалась я. В том числе и деньгами. Я распоряжалась. Как и сколько тратить. Я говорила, что у меня была школьная подруга, к которой я пошла к маме и спросила, как вообще жить и сколько можно тратить?

А Милю вы не стали спрашивать? А Миля вам не советчик была?

- Нет. Миля не советчик была.

А почему?

- Ну, она простая деревенская женщина была. Она не советчик была.

Даже если бы она что-то сказала, для вас это не было бы авторитетным...?

- Нет, нет. Она не советчик была. А потом, если учесть, что она стала у меня воровать вещи, когда уже ребят арестовали, так что это уже...

И вы это чувствовали заранее?

- Да. Да. Сначала я замечала не много, а потом и больше...

Тем не менее, Миля же помогала вам...

- Миля мне помогала, пока, вот, ребят не арестовали... То есть когда ребят в детский дом забрали, и тогда я Милю спросила: - Сколько тебе мама платила жалование? И я ей выплатила за все эти месяца, что она с нами жила, - я ей выплатила. За все месяца я ей жалованье заплатила. И сказала, что, в твоих услугах я больше не нуждаюсь. И всё. Но комната у меня была открыта, и спала она в моей комнате. Потому что ей деваться было некуда.

Расскажите подробнее про Познера? Как он вам помог. Почему он вам помог?

- Не Познер, а как его... Вы знаете, я с ним познакомилась... С дядей Борей я познакомилась... Первый раз он приехал, когда мы были во Львове на даче. Приехал вдруг какой-то мужчина. И мальчишки: - Дядя Боря! Дядя Боря! Дядя Боря! Около него... И поехали на озеро на лодке, он там с ребятами занимался. Я думаю, кто такой дядя Боря? Мне как-то в голову не приходило, я не задумывалась. Но раз ребята так к нему лезут, наверно, он человек неплохой был. А потом...

А кем он был?

- Он был областным прокурором. Не Познер, а как его...? Вспомню потом... А у него был сын. Сын был женат. Жена была такая очень фасонистая и очень

выпендривалась, что она невестка такого важного человека. В общем, держала себя... Противная такая баба была. И у них был ребенок. А ребенок этот тоже был Володя, и он был ровесник моему младшему брату. А у них была нянька, которая нянчилась с этим Володей, и она дружила с моей нянькой, которая с нами жила. И эти два Володи все время находились вместе. То есть няньки эти находили общий язык, и эти ребята дружили. Но они маленькие были. Когда родителей арестовали Володе было шесть лет. А он еще был не арестован. А, собственно, он меня знал, как Марксену просто. А-а, вот еще как было... Когда родителей арестовали мы жили на даче в Сестрорецке. Там была база обкомовская, мы жили на даче. И родители приезжали каждый выходной день, накануне приезжали на машине. Машина останавливалась у парка, у ворот, и я шла встречать родителей своих. И навстречу мне идет дядя Боря и ответственный редактор «Ленинградской правды». Они меня взяли за плечи и повели обратно. И я поняла, что родители арестованы. То есть понимаете... Вот такое внимание... этих двух взрослых мужчин... Они меня довели до столовой, а потом я пошла к себе.

Почему он вам помог? Как вы считаете?

- Почему? Я не знаю почему. Просто...

Он всем помогал?

- Я не знаю. Может, он и всем помогал. Я не знаю. А потом, когда у меня денег не стало, я рассказывала, я послала домработницу к нему, чтобы она попросила... И он прислал тогда солдатику какого-то, который распечатал мне комнату и я взяла оттуда деньги.

А больше вы с ним не встречались?

- Нет. Больше я к нему не обращалась. А потом его вскоре тоже арестовали.

Он тоже расстрелян?

- Он тоже расстрелян.

Вы мне прошлый раз говорили, что сразу после ареста родителей, вы знали, что родители – не враги.

- Да.

И что это преступление Сталина. Это вы, действительно, так знали уже в 37-м году?

- Да. Я уже это знала. Это я уже знала. Причем, интересно, моя заведующая библиотекой [Рубина], с которой мы вместе организовывали библиотеку, она ко

мне относилась вообще... Она была заведующей районной детской библиотекой. И в 42-м году мой дядя устроил меня к ней на работу, в детскую библиотеку. А потом вскоре, так как детей не было в городе, эту библиотеку законсервировали, и нас перебросили, всех сотрудников, на организацию взрослой районной библиотеки. И она ко мне относилась как мать родная. Она вообще меня натаскивала... Она думала о будущем, она меня натаскивала на работу. Она меня всюду с собой возила, и на комплектацию, и по всем делам. Даже был такой случай. Надо было в райфинотдел... Я не знаю, рассказывала я или нет. Надо было в райфинотдел пойти, бумагу какую-то отнести. Она меня послала. Она сказала, к какому инспектору обратиться. Я пришла к этому инспектору, подаю эту бумагу, она говорит: - Ой! Я это не могу... Пойдемте к начальнику. Зашли к начальнику в кабинет. Она подает эту бумагу начальнику, а там оказывается Рубина просит какие-то деньги в райфинотделе. Она посмотрела и говорит: - А это кто просит? – Рубина. – А, Рубиной дать можно, у нее каждая копейка блестит. Вот такое к ней было в районе отношение. Она ко мне очень хорошо относилась. И мы с ней были очень откровенны. И она мне многое рассказывала того, чего я раньше не знала. Так она Сталина, иначе как ругательно, она не называла: - Этот паразит! Этот паразит! Сколько он людей погубил! Эта сволочь! Его самого надо было бы расстрелять! Вот такие были у нее выражения.

Но для вас они уже не были новыми? То есть вы еще до знакомства с Рубиной считали... считали, что это преступление Сталина, да?

- Да. Потому что именно о Сталине у меня было предвзятое мнение, мягко выражаясь.

А почему, объясните?

- А потому что родители не очень одобряли поведение Сталина. Это проскальзывало в разговорах. Ну, я говорила, когда Кирова убили, мама дома готовилась к докладу сидела, а я была в столовой. Кабинет у нас рядом со столовой. Она с кем-то разговаривала по телефону, потом вышла из кабинета в невменяемом состоянии: - Всё-таки он его убил! Кто убил? Для меня вопроса не возникло.

Почему не возникло вопроса?

- Потому что я вообще знала... До этого еще были разговоры, что Сталин вообще очень недоброжелательно относится к Ленинградской партийной организации. Об этом были вообще разговоры, и я знаю... Мне кто-то рассказывал... Майка

Смородина, она была такая проныра, и она все взрослые разговоры всегда слушала. И это мне рассказывала, Майка, как в Москве на пленуме Сталин... Был такой Струппэ у нас, ответственный работник... Я не помню, кто он был.

Струппэ?

- Струппэ. И Сталин сказал, что вы держите в своей организации пьяницу такого.... Он вообще-то выпить любил. А Киров выступил и сказал, что вы хотите уничтожить Струппэ, мы вам этого не позволим. Это было на пленуме, еще задолго до ареста, вот этот разговор. Такие, вот, отдельные разговоры были..., что Сталин еще при жизни Кирова... Вы представляете себе, когда это еще было... И такие отдельные разговоры о Сталине были. Потом, когда мама сказала, что все-таки он его убил, для меня вопроса не было. Я поняла, что Сталин убил. Но никаких вопросов я не задавала. А потом, когда... Киров же лежал в Таврическом дворце... И когда его отправляли в Москву, папа стоял в почетном карауле у гроба Кирова. Тогда они ехали в Таврический дворец, одевались в прихожей, а я стояла рядом где-то в дверях. И, значит, мама отцу говорит: - Какая все-таки наглость, он даже приехал в Ленинград его хоронить. Но для меня вопросов не было, о ком это шла речь. Вот такое мнение у меня о Сталине было.

Вы сказали, что у вас подружка Майя была, такая пронырливая. А вы обсуждали между собой?

- Мы между собой обсуждали. Мало того, Майка и еще несколько человек, кто-то из детей ответственных работников, написали письмо Сталину. Кто-то... Кто-то из ответственных работников, я не помню..., был в числе 26 бакинских комиссаров. И один остался жив. И был такой вопрос, взрослые об этом говорили, что он предал этих бакинских комиссаров всех, и сам остался жив. Так вот они взяли и написали....Микояну или Сталину... Взяли и написали письмо с вопросом, так это или не так. Ответа никакого они, конечно, не получили. Но разговор об этом был. Я знаю, обсуждали это довольно громко, что, вот, он предал бакинских... Не помню кто... Микоян или кто-то из этих... Я не помню.

А что еще вы обсуждали с ребятами? Убийство Кирова вы обсуждали?

- Нет, не обсуждали. Вообще, не обсуждали. С детьми мы не обсуждали. Тогда, собственно, хоть и ребенком я была, но я понимала, что не обо всем можно говорить, что всё это не так просто.

Расскажите про Любовь Захаровну еще, подробнее?

- Я с Любовью Захаровной познакомилась, когда пришла в библиотеку. И я работала еще не долго, и пришел какой-то мужчина, неопрятно одетый, невысокого роста. Мне, - говорит, - нужна Рубина. Я пошла в кабинет, говорю: - Любовь Захаровна, вас какой-то там мужчина спрашивает. – Пускай зайдет. Он зашел, очень долго там у нее был. О чем они говорили, я не знаю. Потом он вышел из кабинета, она выходит следом за ним, говорит: - Вот, говорит, - жид пархатый. Я на нее так... Она сама еврейка. И вдруг... А этот тоже еврей был. Она: - Чего на меня вытаращилась! Она такая грубоватая была немножко. – Чего ты на меня вытаращила глаза?! Запомни: есть евреи, а есть жида! (Смеется) Вообще, она была такой оригинальный очень человек, интересный. И она ко мне очень хорошо относилась. Почему, я не знала. Оказывается, у нее были репрессированы сестра и брат.

А как ее брата звали?

- Рубин. То же Рубин. Я не помню его имени и отчества. Он уже давно умер, конечно. А дети, я не знаю... Сын у него художник был, а дочь - не помню кто.

Он младший брат?

- Не знаю даже. Может быть, несколько младше. Сестра младше ее была. Она была после лагеря в ссылке, а потом она приехала, после того как умер муж уже, она приехала сюда после войны, после реабилитации. Она приехала и здесь жила с Любовью Захаровной. А Любовь Захаровна, она была очень энергичной, умница была большая. И она умела... Вообще, удивительный человек! Она вообще была так немного в обращении грубовата. Она могла и выругаться, сделать замечание, но ее все очень любили. От нее никто добровольно не ушел. Ни один человек у нее не уволился из библиотеки. Представляете себе! Она так умела сплотить коллектив, это просто удивительно! Причем, это всё спокойно делала. Она, если надо выругать, она и выругает, и похвалит. Просто была очень справедливый человек. Хотя она была член партии, член бюро райкома, заведующая районной детской библиотекой, и она все-таки ко мне относилась как мать родная. Мало того, я говорила, как она меня спасла от ...

Она была членом райкома, да? И она была сама партийная.

- Да.

И при этом Сталина, иначе как «гадом», она не называла.

- Да, да.

Что еще она говорила о своих взглядах?

- Это только со мной, конечно. Она знала, что я ее не выдам, и никогда не расскажу никому об этом. Она только со мной была так откровенна, она говорила из глубины души. Всю ночь она говорила. Вообще она была идейная коммунистка! Для всех. А со мной она себе позволяла, вот такие вещи.

Только в отношении Сталина или больше?

- Нет, только, пожалуй, в отношении Сталина. Потом был как-то разговор насчет неправильной политики в сельском хозяйстве, организации колхозов, что, собственно, разоряет эту страну. Потом то, что строительство... Были разговоры, мы с ней говорили вообще... Строительство, вот, Днепрогэса, Беломорканал... всё это..., руками заключенных это делалось. Она мне многие вещи вообще объясняла, такие, которые я до этого не знала. Мы с ней так довольно откровенно говорили... Ну, по разному поводу... Возникал какой-то вопрос – мы с ней говорили. Вот, она: - «ой, этот паразит, - не могу даже говорить о нем...» Но это она только со мной. А так она, вообще-то, вот... Она была очень общительный человек, у нее было очень много друзей в районе. Когда мы в библиотеке работали, к ней многие приходили. Я даже не знаю, кто это. Приходили, называли: - Люба! Люба, ты знаешь, мне надо вот эту книжку... Люба, а ты знаешь... Ну, что тут у тебя читать нечего! – Иди к Марксене. А у Марксены, значит... У меня была комната такая метров 18, куда свозили все книги с района. И редкие книги, и такие, которые требовали переплета. У меня был шкаф специальный. И ценные книги я в этот шкаф составляла. У меня там была картотека. – Ты знаешь, Люба прислала к тебе, дай мне что-нибудь почитать. Я выдавала эти, вот, книжки: - Только, пожалуйста, аккуратно, не раздерите, там требуется переплет...

У нее было очень много друзей, но она с друзьями не была так искренна, как с вами?

- Наверное, не была. Я не знаю. Этого я не знаю. Но у нее друзей было много очень.

А скажите, вы говорили с ней об арестах 37-го года?

- Да, говорили. Она говорила, что мои родители невиновные. Она, вообще, очень хорошо относилась к моему отчиму. Дело в том, что она отчима моего знала по работе. Был тогда, в то время, это сейчас уже опять объединили, Центральный район один. И райком партии находился во дворце Белосельских-Белозерских, на Невском. И я там с мамой один или два раза была, к папе приезжала. Он [отчим] был первым секретарем райкома, а она [Рубина] была заведующей центральной

детской библиотекой Центрального района и была членом бюро райкома. И ей часто по работе приходилось сталкиваться с Петром Леонтьевичем. И она о нем была очень высокого мнения. Она считала, что это вообще очень порядочный и очень хороший человек. Она мне сказала, что родители не виноваты. Интересно... Дядя как-то гулял с моим старшим сыном, когда он маленьким был, и встретил своего приятеля, хорошего такого, с которым... И он мне потом рассказывал, что когда стали говорить, дядя сказал, что, вот, у меня у племянницы арестовали мать и отчима... - А отчим кто? - Ой, Низовцев-то, это такой порядочный человек! Как его могли арестовать? О нем вот такое мнение...

Скажите, когда Любовь Захаровна говорила об арестах, она считала, что все, кто арестован никакие не враги... Что врагов вообще нет? Или она считала, что, что враги были?

- Нет, нет. Она считала, по-моему, что врагов вообще нет.

Что это...?

- Что это всё только уничтожение партийных кадров. Тех, которые неужодны были Сталину.

Во время войны, во время блокады была какая-то особая атмосфера взаимопомощи? Или... вы рассказывали случаи воровства, случаи всякие... Как вы считаете?

- Нет, вообще, люди относились друг к другу очень хорошо. Да, это была особая атмосфера. Во всяком случае, зла никто никому не делал. Я могу судить по своему дому. У нас дом на Социалистической. В нашем микрорайоне, это ... дом 6. Там было тридцать квартир, но квартиры, в основном, все коммунальные. Только там у нас жил профессор Бэкон – на него была отдельная квартира, а остальные все коммунальные. Так что, представляете, там народу было порядочно... И все настолько доброжелательно относились друг к другу... Был такой случай. У нас там была одна женщина. Она до войны не работала, у нее было трое детей. А потом во время войны у нее муж умер от туберкулеза, и она пошла работать дворником. В нашем ЖЭКе. А я когда родила сына, у меня молока не было, у меня началась грудница – температура, грудь распухла...

Это в каком году?

- Это было в 44-м году. Она пришла ко мне по каким-то делам, служебным. И видит, что я в таком состоянии, говорит, подожди, (причем, я даже с ней мало была знакома) Она говорит: - Ты подожди. я сейчас приду. Она ушла и скоро пришла

Где-то, вот, в 44-м году она нашла... Она в доме знала всех жильцов. Нашла где-то топленое сливочное масло, принесла топленое масло, натерла мне грудь, завязала, и у меня прошла грудница. Представляете?! Это совершенно практически посторонний человек. Так что...

А почему так во время блокады было?

- Я не знаю, почему. Люди были гораздо добрее и лучше. Я, вот, по себе сужу. У меня школьная подруга пришла ко мне, у нее умер отец, он туберкулезом болел, он умер у нее в начале войны, и умерла от голода мать. У нее были младшие брат и сестра. Их забрали в детский дом. А у нее комната была неотапливаемая, знаете, это новый дом с паровым отоплением. И она пришла ко мне. И что, я ее прогоню, что ли? Я ее оставила у себя. Она у меня почти год жила, у меня комната была теплая. И она у меня почти год жила.

Потом, вы рассказывали, что она у вас что-то украла?

- Это... Это другая уже... Другая... У меня кто только не жил! У меня соседи с нижней площадки, у них была отдельная трехкомнатная квартира. Во время войны эту квартиру заняли, там, один шофер за взятку эту квартиру купил. И они приехали, а их в квартиру не пускают. А куда им деваться? Они, значит, с матерью, а дочь ее старше меня на два года, мы с ней во время блокады, до эвакуации еще дружили. Они пришли... Они жили у меня, пока они не добились, чтобы им дали комнату. Они несколько месяцев жили у меня. Одна спала на кушетке, а вторая спала у соседки на кушетке. Они несколько месяцев у нас жили. Вот сейчас кто-нибудь совершенно посторонних соседей, которые приехали, пустил бы кто-нибудь к себе жить? Причем, тогда и с питанием, и с карточками было как-то сложно очень. Я не знаю, как мы обходились... Я уже не помню. Но из-за еды у нас никогда конфликтов не было... Чтобы кто-то там потихоньку что-то съел... Вот такого у нас не было. Если мы ели, то мы ели все вместе. Если не было, то мы голодали вместе. Я не знаю, как-то... Все-таки люди добрее были... Более общительные и более добрые. Причем, вот, в очереди же стояли за продуктами, по карточкам. Вот, в 42-м году продуктов же не было... И стояли в очереди... С утра, по раньше занимали, ждали, когда привезут... Даже по карточкам эти продукты несчастные получить... То есть никогда никаких ссор, драк в очередях не было. Я могла, там, предупредить, пойти домой и еще что-то... спокойно...

Расскажите про кражи карточек, кражи продуктов, людоедство, это ведь тоже было?

- Это всё было. Насчет людоедства, это я знаю, мне рассказывала сестра моего дяди, они еще не эвакуировались в 42-м году. Она как-то к нам пришла. Она шла вдоль берега Невы с Охты. Они на Охте жили. Она шла с Охты, как-то я уже не помню... И она увидела там труп, у которого были вырезаны ягодицы. Она, помню, к нам пришла и с ужасом об этом рассказывала. Потом мне рассказывали, что в поликлинику привели одну женщину, которая, вот, была людоедка. Она была вообще невменяемой, ненормальной. Я ее не видала, но это рассказывали. В поликлинику ее привезли, значит... а потом в сумасшедший дом или куда ее уже... Было. Было это.

Но вы не сталкивались?

- Нет. Я не сталкивалась. А вот карточки как-то украли, Было такое. Ну, что делать... А потом эта Стеклова... Она была потом заведующей передвижным фондом. Фрунзенского района....рассказывала?

Нет, не рассказывали.

- Да, Стеклова. У нас работала в библиотеке... У нас стоял шкаф с краю, на абонементе, с краю, куда мы... , я клала свои сумки, там рядом вешали пальто. А мы с Любовью Захаровной ходили питаться напротив... 322 школа была. Там была хорошая столовая. И мы ходили питаться туда, в эту столовую. А для того, чтобы питаться в столовой, такие карточки были, мелкие талончики были, там, крупа по 5 грамм, масло по 5 грамм... Там талончики эти вырезали и давали тарелку супа и второе – каша или еще что-то... И у меня такая, вот, карточка...

Это в каком году?

- Это было... 42-й, наверное, 43-й год. Начало, наверное, 43 года. И у меня эта карточка была в сумочке. И я уж не помню, до обеда или после обеда, неважно, во всяком случае у меня эта карточка из сумочки пропала. Больше ничего не пропало. Пропала эта карточка. А это было как раз начало декады. А карточки эти были на декаду. Что делать? А я уже тогда... За мной уже ухаживал мой будущий муж. И он приехал как раз... Он приезжал... Рядом на улице Правды..., что там сейчас я не знаю... Там до войны была большая территория, большой двор, и там заливали каток, до войны мы туда ходили кататься на коньках. А во время войны там были полевые ремонтные мастерские. Парк, там называемый, и у меня муж, будущий,

был начальником артснабжения армии, и ему часто по работе приходилось ездить днем в командировки, в мастерские..., куда-то там, за оружием, за снарядами... И он заходил в нас в библиотеку. И он как раз зашел в библиотеку, и Любовь Захаровна говорит: - У Марксены несчастье. У нее украли карточки. Украли карточки, ты представляешь?! что это такое в войну! Он тут же поехал в часть, и в тот же день или, на другой день он получил свой офицерский паёк. Буханку хлеба, помню еще привез мне, и свой офицерский паек мне привез. И потом получил сухим пайком своё продовольствие – мне привез. А сам... У него был приятель, Вася такой, Василий, он был женат на моей двоюродной сестре. И они, собственно, служили в одной части сначала... А этот Василий, он был «пройдошистый» такой мужик, бабник ужасный! Но он был хороший часовщик. И он всем в армии чинил часы. У него везде были знакомые, везде был блат, в том числе у девочек в столовой. И у меня муж-то свой весь паёк получил, так он приезжал к Василию, Василий шел в столовую, приносил какую-нибудь кашу, и его кормил. Вот так десять дней мы и прожили. А потом прошло десять дней – пропали карточки у Любви Захаровны. И она поняла, что это, вот, Стеклова. Она ее пригласила...

Стеклова – она кто была?

- Она работала у нас библиографом, в библиотеке была. Все инвентарные книги написаны ее рукой. Она занималась инвентаризацией, и библиографией она занималась. В общем, грамотная, интеллигентная женщина. Грамотная, интеллигентная женщина, из интеллигентной семьи, пожилая уже. Что сделала Любовь Захаровна. Она ее пригласила к себе в кабинет, заставила ее признаться, что она украла карточки, и сказала, чтобы больше у нас этого в библиотеке не было! Позвала меня. – Ты знаешь, кто украл карточки? Елена Федоровна украла карточки. Но ты никому об этом не говори, и считай, что этого не было. Вот так вот! Представляешь себе?! И всё. И на этом у нас всё кончилось. Вот это такой был человек. Другая бы, знаешь, что устроила бы?! Потом Стеклова так у нас и продолжала работать, потом она ее рекомендовала... Любовь Захаровна же была, кроме того, районным библиотечным инспектором, тогда была такая должность. Она ее устроила работать заведующей передвижным библиотечным фондом, районным. И вот она написала воспоминания. Мне потом уже заведующий вот этим музеем звонил, что он нашел воспоминания этой Стекловой. Я хотела попросить почитать, интересно... эти воспоминания Стекловой.

А где лежат?

- Вы знаете, это было... Вообще, там тоже не совсем хорошая история... Музей этот организовал работник библиотеки. Он вообще кандидат наук, молодой парень. И он организовал этот музей при районной библиотеке, при нашей библиотеке, на Гагарина он организовал вот этот музей.

Музей блокадных библиотек?

- Да. Музей блокадных библиотек. Так как у него материала было много, он там еще собрал все издания, которые издавались во время войны. Ну, не все, но что мог, вот, во время войны в городе издавались. А потом я ему еще подкинула этот материал. А потом там сменился директор библиотеки. Вот он мне позвонил, жаловался. И она была против этого музея.. Что они сделали с этим музеем, я не знаю, но он вынужден был уволиться, и он сейчас работает в библиотеке Русского музея, в отделе комплектации.

А воспоминания-то где?

- Стекловой? Не знаю, где, вот... У него, очевидно.

Скажите, Любовь Захаровна вас учила как себя вести потом, при поступлении в институт, при поступлении на работу...?

- Нет, это она меня не учила...

Скрывать, что родители были арестованы, или нет?

- Нет, она этому не учила меня. Нет. Об этом никогда разговора не было. Единственно было, когда у нас арестовали сотрудника, и когда всех сотрудников вызывали, она меня предупредила, что меня могут вызвать, то есть обязательно меня вызовут на допрос, и чтобы я была к этому готова, и чтобы я ничего лишнего про этого Константина не сказала. Вот это она меня учила.

Вы рассказывали про этот допрос, а скажите, откуда у вас такая смелость взялась?

- А я не знаю! Это, наверное, по молодости, по глупости... (Смеется)

Объясните

- А вы знаете, просто я, наверное, очень разозлилась. Меня разозлило то, что человек, зная, кого он вызвал на допрос, он начинает там чуть ли не с погоды, там..., как я себя чувствую..., как я живу, там... Вообще вроде, сочувственно так, вот... А потом вдруг выяснилось, что...Потом он мне вдруг прямо в лицо: - Вы дочь врагов народа, поэтому вы его защищаете! Вот это меня просто взбесило!

Что взбесило? Унижение? Или что родители враги?

- Не знаю даже. Нет, не унижение. Я унижения не чувствовала. Меня просто... Наверное, чувство собственного достоинства... Я не знаю, что... Его подлость меня больше всего возмутила, по-моему! Его подлость... Я понимала, что он занимается, собственно, не делом, что Константин этот ну ни в чем не виноват! А что его там осуждают, да еще вызывают всех сотрудников на допрос...! Всё вот это меня, понимаете, возмутило! То есть до этого у меня всё это копилось... Но я вообще-то пришла..., я не собиралась ничего вообще говорить. А когда он мне в лицо это кинул, меня это обозлило. Причем, это его хамство, его подлость – это меня возмутило страшно! (Смеется)

Скажите, вы никогда не скрывали, что родители...

- Я никогда не скрывала.

И после войны тоже?

- И после войны тоже никогда не скрывала. Поэтому, собственно, я и в институт не поступила... Я же в 48-м году поступала в институт библиотечный, меня же не приняли... Хотя у меня был проходной балл. Между прочим, у меня там аттестат так и остался, в институте. Я до чего была расстроена и потрясена, что меня не приняли, я даже не пошла за документами потом. У меня так аттестат там и остался, в институте в приемной комиссии.

Вы мне прошлый раз говорили, что у вас чувство вины перед младшим братом. В чем ваша вина?

- Ну, то, что я не смогла его найти..., не смогла ему ничем помочь. Конечно... Но, собственно, я и не в состоянии была это сделать... Но то, что я это не сделала, это, конечно, тоже, вот..., плохо, конечно... Но я не в состоянии была это сделать. Во-первых, даже материально. Это надо было поехать, надо было бросить семью. А у меня уже тогда дети были... Двое детей было... Для меня это было сложно. Я писала во все органы, во все инстанции, и всесоюзный розыск объявляла, и все, что можно... То, что можно было от сюда, я всё сделала. Потом, я тогда продала часы и брата отправила туда. Брат ездил. Он был там на месте, он тоже ничего не нашел. Вот, куда он делся...? Вообще, говорят, что часто убегали из детского дома... И в воровской мир... может быть... под чужим именем.... где-то он, может быть, и скрывался.

Когда вы писали в детский дом, у вас было доверие к этим учреждениям? Или...?

- Сначала было доверие. А потом – нет. Потом я уже просто автоматически писала... Просто, думаю, насколько у людей хватает наглости... Но я писала... А что мне оставалось делать? Писала...

Почему у вас доверие к детскому дому пропало?

- Ну, то, что они не отвечали мне. Я пишу письмо: прошу мне сообщить, как чувствует себя мой брат.... И вообще, жив ли он? А мне отвечают: ваш брат, такой-то такой, с такого-то по такое-то число находится в нашем детском доме. Вот и всё.

Это что отпечатанный бланк был? Или от руки написано?

- От руки написано. Вообще у меня не осталось, по-моему, ни одного ответа такого даже... Но я как-то, знаете, небрежно относилась.. А потом я просто боялась..., многие документы я боялась... Я очень жалею, что я эту повестку о высылке из Ленинграда уничтожила. Но, понимаете, я боялась сохранить... Я многие документы просто уничтожала такие, которые при обыске могут мне повредить, я уничтожала.

А переписка по поводу брата чем могла повредить?

- А вы знаете... Просто это, наверное, небрежность.

Не специально?

- Нет. Не специально. Они где-то у меня лежали, а потом как-то, очевидно... Совала я в разные места... Потом я уже папку завела, куда всё складывала. А сначала у меня где-то... И потом... Как к письмам мы относимся? Ведь не думаешь, что оно в будущем может понадобиться. Как-то так это несколько небрежно... с письмами.

Расскажите про мужа.

- Про мужа? (Усмехается) Про мужа... Я когда с ним познакомилась, интересно... Мы же с ним познакомились... Мы с ним очень долго не были близки... Понимаете, почему-то он у меня сразу вызвал доверие. Интересный был такой случай. Меня с ним познакомил муж... Вернее, не муж, он тогда тоже еще жил с моей двоюродной сестрой... А было дело так. Муж мой в 42-м году летом был начальником вооружения полка, а вот Вася Иванов был в оружейном мастером. И они как-то вместе очень подружились. Они всю жизнь очень дружили потом. И Вася этот, когда он со мной познакомился, уже в 42-м году летом, он решил меня познакомить... Так как он был женат, но у него не было детей, жена не могла иметь детей... И потом он такой вообще довольно странный брак этот... Короче

говоря... Он, собственно, не хотел на ней жениться, но... Вообще получилось так. Он работал в Средней Азии. Там был такой Успенский. Вообще, великолепный... Он потом докторскую защитил, когда приезжал, здесь у нас в Ленинграде был. Он занимался борьбой с саранчой. У нас же в Средней Азии саранчи не было. И у него на полях были организованы станции, которые проводили слежение за всеми такими букашками. И на одной из таких станций работал мой муж, когда он приехал в Среднюю Азию, еще мальчишкой... Сколько ему? Лет двадцать. И с ним работал один парень. Это было под Ургенчем. Этот парень на выходные дни ездил в Ургенч. У него там была девица какая-то. Потом он как-то приехал, говорит: - Чего ты здесь сидишь? Поедем со мной. У моей подружки есть подруга... Будем вместе проводить время. Он поехал, познакомился, вот, со своей будущей женой. Она вообще не интересная женщина. Но она его очень любила. И она потом, когда он поехал в Ташкент поступать в техникум, она приехала к нему с чемоданом. Потом, когда его брат пригласил в 37-м году... у брата, у него тут были связи, в Сельскохозяйственном институте, он говорит: - Приезжай, я тебя устрою на рабфак. А у меня у мужа-то было всего пять классов образование. Он устроил его на рабфак. Он рабфак окончил даже с отличием. Но он поступил не в Сельскохозяйственный институт, а поступил в Технологический институт... Ленсовета. Так она приехала с ним вместе в Ленинград. А жить было негде, когда он там на рабфаке учился. Жили они у двоюродной сестры, спали на полу, там у нее двенадцать метров комната была, у двоюродной сестры мужа... Она на работу устроиться не может, у нее прописки нет. И они тогда решили зарегистрироваться, чтобы она могла устроиться на работу. А детей она иметь не могла. Там другая история была. Вот такой был случай... Она очень любила мужа моего..., значит, своего мужа.... А потом во время войны она уехала в эвакуацию, он остался здесь. А он очень хотел детей.. У него был пунктик, что вот он погибнет на войне, и после него никого не останется... Знаете, как бывает... Он вообще детей очень любил. И он хотел... И у него было несколько женщин, но никто ему... Никто ему родить ребенка не соглашался. Даже одна женщина сделала криминальный аборт, попала в больницу... А мы с ним встречались. Несколько месяцев встречались, но он уже мне потом уже объяснял, что он очень хотел, чтобы я ему поверила. И я ему поверила как..., знаете, как своему родному... Я ему всё рассказывала, что у меня на душе есть... Я всю ему свою судьбу, все свои переживания, я ему всё рассказывала. Даже был такой случай. Как-то раз мы были в кино. Они приехали

как-то, на ночь. Вечером после работы пошли в кино, а после они меня приволокли к себе ужинать, к Лиде (Лида – моя двоюродная сестра). И уже было домой идти поздно, а у Лиды две комнаты было, и она нас оставила в этой комнатке вдвоем. У нее печка такая была на две комнаты, и в комнате холодно было, и мы у этой печки полночи просидели – проговорили. Потом стали ложиться. Он говорит: - Ложись ты, не бойся, я тебя не трону. Он лег, повернулся ко мне спиной и уснул. И всё. И мы с ним очень долго вот так вот встречались и даже находились вместе, но мы с ним... не жили. Потом он уже мне объяснил, что ему очень хотелось, чтобы я ему доверяла полностью, чтобы я ему верила. А в анкетах, когда мы уже стали жить, даже еще до этого, он в анкетах стал писать, что не Зина его жена, а что я его жена, и что родители у меня арестованы. Представляете себе?

А вы ему рассказали про родителей?

- Я ему всё рассказала. Да. Вообще-то, это был исключительный человек, конечно. А потом он с Зиной долго не мог получить развода. Потому что она в другом городе жила, не сообщала о себе... Он ее найти не мог... Ну, а потом, в конце концов, когда он развелся с ней, мы еще сколько времени... Я еще капризничала, я еще не хотела регистрироваться. Мы долго спорили, какую фамилию... Я хотела оставить свою фамилию, а он хотел, чтобы я взяла его фамилию – Никифоров. И он всё равно везде писал, что... Вот он уже в институте работал, он всё время в анкетах писал, что я его жена, и что у меня родители репрессированы... арестованы... Тогда было слово не «репрессированы», а «арестованы» в 37-м году... А потом, когда мы были... У него-то вообще, конечно, сложилась судьба очень сложно. Он в институте, в Технологическом, учился на кафедре порохов. И когда после войны он вернулся... Тогда после войны не обращали особого внимания на анкетные данные, он окончил эту кафедру. У него была дипломная работа «Снаряжение и боеприпасы». Представляете себе? А когда он окончил институт, ему дали свободный диплом. И он никуда не мог устроиться работать. А мы еще не были зарегистрированы... Как посмотрят его анкету, так его на работу никуда не берут. В конце концов, он пришел... Его кто-то рекомендовал на 77-й завод, это на Выборгской стороне есть, завод Карла Либкнехта. Там главным инженером был такой Добряков. Он пришел к нему... То есть он по всем учреждениям ходил и никуда его не берут. А это вообще завод сельскохозяйственной промышленности, но во время войны они выпускали снаряды. И потом после войны там остался один цех, который выпускал снаряды...

5-й цех такой... А остальное все производство выпускало сельскохозяйственное машиностроение. И он посмотрел его диплом, и он ему честно сказал, что, я, вот, куда не хожу, меня из-за анкетных данных нигде не принимают. – Ну с таким дипломом и не принять? Давайте, - говорит – я вас приму. И он его зачислил в конструкторское бюро сельскохозяйственных машин. И послал его на трехмесячные курсы в Москву. И он окончил эти курсы. Но он там недолго работал. Потом он работал главным инженером по подготовке кадров, на заводе. И потом отсюда он пошел в аспирантуру. А аспирантура... Это бы какой-то... 52-й год... Опять анкетные данные. В аспирантуру-то его приняли, экзамены он сдал, а тему ему не дают на кафедре. Кафедра-то боеприпасов! Но там был очень хороший Андрей... фамилию я не помню. Начальник первого отдела. Был очень хороший мужик. Там и в органах были хорошие люди. Он хотел даже подавать заявление об уходе, а тот говорит: - Подожди, что-нибудь мы подберем. Он его буквально удержал. И потом он ему предложил... Вызвал как-то к себе, а он числится аспирантом! Он стипендию получает. Он числится аспирантом, а темы у него нет. Проходит месяц, два, полгода... Представляете! Он его вызывает и говорит: - Знаешь, на кафедру лаков и красок сейчас поступила тема «Самовозгорание растительных масел». А так как эта тема наполовину физическая, наполовину химическая – ее бояться брать. Если хочешь, возьми. Он взял, согласился. Перешел на кафедру лаков и красок и взял эту тему. Причем он ее блестяще защитил. Таким образом... Опять же, окончил он аспирантуру, а его опять никуда не берут. Кто-то подсказал, у нас в Ленинграде организовывался филиал института ГИПИ, государственный институт..., в общем, ГИПИ. И ему посоветовали поехать в Москву к директору этого института. Он поехал. Тот видит, что мужик толковый, он говорит: - Вы знаете что, я не могу вас... Но на должность младшего научного сотрудника я вас возьму. И он согласился. И он до самой реабилитации родителей, он, собственно, исполнял обязанности заведующего лабораторией, а числился младшим научным сотрудником. (Смеется)

Марксена Михайловна, почему вы капризничали, отказывались регистрировать брак?

- А я не знаю даже, почему. Я не хотела... Не то, что я не хотела его подводить... У меня было такое чувство, что, в конце концов, у каждого человека терпение иссякает, и ему, в конце концов может... Я не знала, что у меня родители будут реабилитированы... В конце концов, ему это может надоест, и чтобы он мог всегда спокойно уйти от меня. То есть я ему оставляла свободный выход. И,

причем, я ему даже об этом говорила. Я говорила: - В любое время, если тебе тяжело, я не буду возражать... Потому что я понимаю, что так жить, конечно, невозможно.

А он что отвечал?

- Он смеялся тоже... Превращал это в шутку, и всё.

Вы говорили, что он истинный коммунист.

- Да.

А что это значит для вас?

- Ну... Он вообще был член партии... Я не знаю, насколько он был истинным коммунистом, но во всяком случае он все обязанности, которые были связаны с этим, он, конечно, выполнял добросовестно. Причем, в партию-то его приняли во время войны, в армии. До войны в партию его не принимали. У него конфликт с секретарем партийной организации.

Из-за чего?

- Я не помню, из-за чего... Но она у них преподавала политэкономия..., была баба какая-то паршивая! И у нее что-то такое... Она его невзлюбила. И мало того, на зимней сессии.... В 40-м или 41-м году...? Когда это было... Она поставила ему тройку. А троечники... Уже была введена плата за обучение, и троечники не получали стипендию. И он вынужден был взять академический отпуск, и уехал в Выборг к жене, устроился на газовый завод в Выборге, там сменным инженером, и там он встретил войну. Таким образом, институт оказался неоконченным. Из-за этой стервы, понимаете? А потом уже, во время войны его приняли в партию.

Когда вы рассказывали ему о своих родителях, он понимал, что они не враги?

- Понимал.

А, что он считал?

- Понимаете... Это сложно вообще объяснить. Он понимал, что они не враги. Он знал всю эту ситуацию. Он оценивал всю эту ситуацию. Но... Я не знаю... Это как-то сложно вообще объяснить. Он знал всю эту ситуацию. Знал роль Сталина в этом деле.

Он говорил об этом?

- Одно дело...это, а другое дело, там, партия...

Он открыто говорил вам про Сталина?

- Нет... То есть... У нас мнение было такое общее, но разговоров у нас на эту тему не было.

Таких разговоров как с Рубиной у вас с мужем не было?

- Нет. Не было. Не было.

А почему вы считаете, что у вас было одинаковое отношение..?

- Ну... Из-за отдельных моментов... Из-за отдельных каких-то слов... Из-за поведения, в конце концов, понимаете.

И он понимал, что вообще врагов нет, да? Что это Сталин?

- Да. Да.

То есть вот это одинаково у вас было?

- Это одинаково было.

(перерыв в записи)

Вы прошлый раз сказали, что у вас есть список имущества, что украли.

- Что украли?

Да.

- Вы знаете, я тут искала как-то... И не могла найти. Опись имущества конфискованного.

А то, что соседи украли у вас?

- То, что соседи украли, у меня этого списка нет. У меня список был, то, что я тете дала. Это не кража, это я просто так отдала. Ну, она продавала... Потом, вот...

Не нашли список?

- Нет, не нашла список. Вот тот, что я искала. Мне надо было по другому вопросу... Правда, я не очень искала, но что-то я его не нашла. Я знаю, что у меня в шкафу, я там весь шкаф перебрала, не нашла. Не знаю, куда это делось...

Ну, если найдете, позвоните, скажите, ладно?

- Да, хорошо.

А что в коммунальной квартире соседи у вас украли? Вы помните?

- А вы знаете, я даже не могу сказать. Ну, во-первых, у меня украли все портьеры. У меня были такие портьеры, у мамы, они были простые хлопчатобумажные, такие толстые, как байка, тиснёные такие, с тисненым красивым рисунком. Были бордовые... У меня даже кусок этой тряпки одной на даче есть. И у нас эти портьеры были в детской комнате на окне, в столовой, в моей комнате... Трое портьер было. Они же большие были. Да, и в кабинете я еще сняла тоже портьеры. Значит, с четырех окон, большие, широкие. Вот эти портьеры... У меня осталось

то, что у меня на окне висело. Меня выручило во время войны, я завешивала окно, чтобы свет не проходил.

Это что, очень дорогие портьеры были?

- Нет, они недорогие. Потом она у меня украла, я знаю, два отреза бостона. Потом... А что там еще, я даже сейчас не помню. Посуды очень много... То есть у меня кухонный буфет, у меня там была же кухонная посуда, у меня – чисто! Всё подобрали соседи, она, кто там, я не знаю.. Но у меня ничего не осталось. Мясорубки, чашки, в общем, всё это... И там у меня были такие, расхожие, ножи, вилки, ложки, такие для каждодневного пользования... Вот... На кухне у меня стоял буфет такой... Всё чисто подобрали. Там у меня ничего не осталось. А потом мне даже уже...

А это была какая-то особенная посуда? Или просто украли всё, что ни попадя?

- А вы знаете, соседи всё-таки были народ довольно бедный... А у Мили же вообще ничего не было. А соседи – простые работяги, у которых вообще пара ложек и пара тарелок было... Вообще у них ничего не было... Так что они у меня много украли. Там, и бельё, скатерти на столе, там, помню... Я даже у соседней одну скатерть уже через много лет... Кусок скатерти я узнала в половой тряпке. А там край был обшит так... заметно. Это даже уже они сносили, и разорвали, и на половую тряпку уже использовали. (Смеется) Я даже не помню всего... Вы знаете, я девчонкой была. Ну, что там... Всё это запаковали, привезли, а что там было, я даже толком и не помнила и не знала. Ну, ребенок! Вы представляете... Что я там считала, что ли...

А что вы продали? Какие вещи?

- Ну, я например, продала один папин костюм. Причем, мне его оценили очень дорого. Тогда, что-то такое, больше трех тысяч. Это во время войны. Когда у меня родился ребенок, мне его кормить было нечем. Ну, а молоко тогда стоило 60 рублей литр. А мне надо было каждый день пол-литра молока. У меня молока же не было, вот, после голода. Ну, вот, представляете? 900 рублей мне надо было только на молоко каждый месяц. А работать я тогда не могла... Работу мне пришлось бросить. Потому что в ясли я ребенка боялась отдать, потому что в яслях очень много детей погибало. Простуды, там, разные инфекции... И я боялась потерять ребенка. И я, собственно, продавала... Я вот помню... У меня была целая стопка пикейных одеял. Я эти одеяла все продала. Потом я продала очень много

простыней. У меня были такие простыни, еще до войны накрахмаленные, наглаженные, они как новые. Так на свет посмотришь, а серединка уже просвечивала. И я эти простыни, помню, продавала по двести, как сейчас помню, двести рублей штука... на базаре... я потом, в 44-м году... Потом у меня был ковёр ручной работы, такой небольшой, вот на этом сундуке у меня лежал. Я тогда его в комиссионный сдала за три тысячи, как сейчас помню... Потом папино зимнее пальто было. У меня... Так повезло еще, мама на зиму вещи отдавала в ломбард на хранение, чтобы дома не хранить, не нафталинить. А вещи сдавала, на машине отвозила Миля. На ее паспорт. И когда родителей арестовали, Миля по своему паспорту смогла эти вещи выкупить. Там зимнее пальто папино..., новые вещи, хорошие... Мамино там еще что-то... Она выкупила. Привезла. Вот эти вещи у меня тоже лежали, и я их продала. А потом папино...

Уже после войны, да?

- Нет, это во время войны всё. Во время войны. После войны я тоже что-то продавала, но это... Тут уже муж что-то подрабатывал... Я уже продавала, но уже не много. А, вот, во время войны, когда надо было сына кормить, я, конечно, много продала.

В вашей коммунальной квартире сколько было всего комнат?

- Три комнаты.

Три комнаты. И кухня?

- И кухня.

В одной комнате вы жили?

- В одной маленькой самой, пятнадцатиметровой, я жила. И еще две комнаты метров по двадцать пять, большие комнаты. В одной комнате у меня соседка жила. Очень хорошая женщина.

Как ее звали?

- Шура. Она работала водопроводчиком в нашей жилконторе. Она вышла замуж за военного, за солдата, и у нее было двое детей тоже от него. Во время войны она с ним познакомилась. И вот во время войны она родила девочку, перед самым концом войны. А вторую девочку после войны родила. А в другой комнате жили...

А она была немногим вас старше?

- Нет, она много меня старше была. До войны она работала домработницей в одной семье, такой, достаточно обеспеченной семье, она врач, он инженер, в нашем доме.

Она приехала девчонкой из деревни. И ее использовал ее хозяин. И она забеременела. И она ушла от хозяев, пошла работать на завод, жила в общежитии. Конечно, это не то, что у хозяев жить... И хозяйка приехала... А у хозяев детей не было... Она детей иметь не могла. Она приехала и уговорила ее вернуться, что я помогу тебе, там, значит, ребенка, и мы ребенка усыновим... И она вернулась к ним. Действительно, родила девочку. Девочку они эту усыновили. Назвали ее Лоттой. А она у них продолжала жить как домработница, кормила эту девочку, и, значит, вырастила... Она ее звала – Шура.

Кто? Девочка мать по имени звала?

- Девочка. Да. Дочка... Звала Шурой... А потом во время войны они уехали в эвакуацию, а ее оставили квартиру сохранять. А работать-то надо было. Тогда же не работаешь – карточки не получаешь. Она устроилась в нашей жилконторе водопроводчиком. И ее вселили... У меня соседи уехали в эвакуацию, она ее поселила рядом со мной в комнату, Шуру эту. Таким образом... хорошая, порядочный человек была. Она много старше меня. Она опытнее. Она как хозяйка уже... Она меня многому очень научила. Такая очень хорошая женщина была.

Ну, сколько она, лет на десять старше?

- Лет на десять, наверное... Да. Я не помню, точно. Лет на десять...это точно, наверное...

Ну, она потом со своей, вот, с этой дочерью встречалась?

- Да. Они так и продолжали жить в одном доме. Потом они вернулись из эвакуации. Так, мало того, она же помогала по хозяйству, стирала белье, вот, своей бывшей хозяйке, убирала квартиру. В общем, помогала по хозяйству. А Лотта так ее и звала «Шурой», хотя никто этого не скрывал, она знала, что это ее родная мать, но она уже привыкла, что мать – та её, и что та содержит, и помогает, и всё... Шура для нее так и осталась, собственно, «Шурой».

А во второй комнате кто жил?

- А во второй комнате жили «паразиты»! (Смеется) Хатиновские...

Как?

- Хатиновские. Его фамилия Хатиновские, да. Леонид Хатиновский..., он с женой... Он работал на заводе, какой-то работяга... небольшой, а она работала в типографии. У них был сын маленький, когда я приехала, лет пяти, наверное. Так вот, они, собственно, у меня крали вещи. Так он, когда я ему сказала, что, что это

такое? У меня вещи... - А ты хочешь вот сюда? – показал пальцами решетку... Потом он портретом Сталина мене грозил... Мало того, обо мне он даже доносил...

Откуда вы знаете?

- У нас два входа было в квартиру: парадный и чёрный. Они пользовались парадным входом, а я - чёрным. И по моей лестнице, ниже квартира – была явочная квартира НКВД. Это потом я выяснила. И в эту квартиру... Мужик..., там, часто к нему приходили всякие люди, я видала. И он видит в окошко, что я иду по двору, он откроет дверь, как дурак, и смотрит на меня. И один раз, я помню, это было весной в 37-м году, вскоре после ареста родителей. Я купила... Тогда был яблочный год такой... Я купила..., свернула пакет из газеты и несла пакет яблок. И на как раз на площадке у меня этот пакет упал, и яблоки все рассыпались. И он вышел, и помог мне эти яблоки собрать. И, в общем, я чувствовала, он все время подглядывал за мной. Он со всеми мальчишками, со всеми ребятами во дворе дружил. Собирал таким образом информацию. Я понимала, что это такое, поэтому я, собственно..., Так он что придумал. Он пришел к моему соседу, к этому Хатиновскому с бутылкой водки, тот выпил..., тоже любил... И говорит: - Знаешь что, давай меняться. Я в твою комнату въеду, а ты - в мою квартиру. И вот он под этим предложением, он часто приходил к Хатиновским. И у них там подолгу засиживался. А мне это рассказала уже после войны его свекровь...

А она там же жила?

- Она там же жила.

в одной комнате?

- Нет. Свекровь сначала с дедом жили, вот, в этой комнате, во второй, когда я приехала. Тут одна семья только жила. А потом, когда моя домработница вышла замуж за племянника вот этой бабки Хатиновской, матери ее, они разменяли эту комнату, и сюда, вот, вселились те жильцы, которые потом уехали в эвакуацию. А до этого, вот, бабка жила в одной квартире со своей дочкой. И уже после войны она мне рассказывала... Она с дочкой поссорилась, и она мне выкладывала всё, что только могла. И она мне рассказывала, что мало того, он за столом..., и Хатиновский это понимал, он спрашивал обо мне. Собирал обо мне всю информацию. А Хатиновский понимал, что это такое... Он почему так смело себя и вёл, что меня вот туда может упрятать, потому что... Что уж он ему рассказывал,

я не знаю. Но во всяком случае, он собирал информацию обо мне. И я чувствовала, что я всё время нахожусь «под колпаком». Но я как-то к этому относилась спокойно. Я не боялась, короче говоря. Наверное, просто по молодости, по глупости... скорее всего.

А жена Хатиновского?

- А жена... Мария... Она – Марья Захаровна, а он – Леонид Григорьевич... Или нет..? Не помню отчества.

И у них были дети?

- У них сын был.

Один?

- Один сын.
- И бабка с дедкой. Дедка этот умер до войны еще. А бабка уже жила в другом месте во время войны. А у Марьи Захаровны родился ребенок перед самой войной. Этот ребенок у нее с голоду умер. Тогда же матери спасали детей. А она его паёк весь съедала. Это уже бабка мне потом рассказывала. Бабка, в общем, на нее много... И ребенок у нее этот маленький умер. Остался у нее один этот сын. С которым она уехала в эвакуацию. Так вот бабка мне рассказывала, что она нагрузила санки, отправляясь в эвакуацию, ехать на вокзал... Нагрузила санки... И у нее украли там костюм хороший, у нее украли отрез бостона, еще что-то... Она стала перечислить мне мои вещи. А она по дороге потеряла сознание, и когда пришла в себя, то у нее санки эти кто-то уволок... И она всё потеряла. (Смеется) Так что уворованное никогда в прок не идет!

А пока бабка не рассказала вы не знали, что они крадут?

- Я знала... У меня дядя потом сделал замок... У меня не было замка у дверей даже. Я стала закрывать свою комнату. Я знала, что они воруют. Так мало того, Миля уже вышла замуж за этого Павла, У меня тетя пришла и говорит: - Миля, как ты могла ребенка, вот, сироту, обобрать? А Павел говорит: - Вы почему таким тоном разговариваете? (Это при мне было). Вы забудьте, что она была вашей домработницей. И выставил нас из комнаты. Весь разговор был.

как вы считаете, Миля почему воровала вещи?

- Ну, во-первых, от бедности. А потом, собственно, ее Павел заставлял, конечно. Павел... И бабка... Она в такую обстановку попала. Может быть, она даже и не для

себя. А бабке это... всё... понимаешь, тащила... Я уже не знаю, как там было. Как они потом имущество делили, я не знаю...

(конец записи)